

Лачаева М.Ю., д.и.н.,

МПУ

Историографическое исследование в творчестве

Валерия Ивановича Бовыкина

и его научной судьбе

«Во всем мне хочется дойти

До самой сути...»

Б.Л. Пастернак

Личный фактор в историографии

Юбилеи всегда возникают неожиданно и сопровождаются возгласом: «Неужели так быстро прошло время!» С этим наблюдением нельзя не согласиться. Каким бы был Валерий Иванович в 80 лет? Мне он видится молодым, полным идей, душевных сил и таланта. Он представлял тот образец психологического здоровья, которое давало ему возможность жить и развиваться в соответствии с его индивидуальной природой. Главным для него было стремление к самоуважению. Эту черту психологической автономии он выращивал в своих учениках, будучи сам предельно уважительным. В замечательных воспоминаниях Валерия Ивановича «Из опыта архивных разысканий», опубликованных спустя год после его ухода в ежегоднике «Экономическая история»¹, данный этический критерий – необходимости сохранения внутреннего достоинства и научной чистоплотности в любой ситуации проходит красной нитью. И при характеристике условий труда в Архиве внешней политики России, и при недопустимости использовать чужой исследовательский материал без оговорок и сносок. Именно такое действие пришлось «обезвредить» Валерию Ивановичу осенью 1956 г., когда одновременно вышли две публикации. Одна из них авторская – Бовыкина – о результатах его ленинградских архивных поисков, которые свидетельствовали о существовании в России уже в 1880-х гг. в важнейших отраслях металлургической и металлообрабатывающей промышленности, обслуживавших железнодорожное строительство монополистических объединений². Так

состоялся дебют В.И. Бовыкина в проблемной историографии экономической истории Отечества. Он был многообещающим, так как речь шла о серьезном открытии в отечественной исторической науке. Именно Валерий Иванович вводит в научный оборот тексты соглашений о создании «союзов» мостостроительных заводов (1884), фабрикантов рельсовых скреплений (1884 и 1887), союза заводов, изготовлявших железнодорожные принадлежности, устав союза рельсовых фабрикантов 1882 г. Сведения об обнаруженных Бовыкиным ранних монополиях ученый не скрывал, его научные доклады внимательно слушали. Весной 1956 г. он сделал доклад «Новые явления в развитии монополий в России накануне Первой мировой войны (к вопросу о наличии в России высших форм монополистических объединений)» на «Ломоносовских чтениях»³.

В том же 1956 г. издательство «Знание» массовым тиражом выпустило брошюру другого ученика А.Л. Сидорова – П.В. Волобуева «Монополистический капитализм в России и его особенности». В воспоминаниях, написанных спустя тридцать лет, В.И. Бовыкин счел необходимым отметить историографический факт, который при очень большом желании можно было бы объяснять популярным жанром издания, но который от этого отнюдь не переставал быть далеко не безобидным. «П.В. Волобуев, без ссылки на источник полученных им сведений, – вспоминал Валерий Иванович, – сообщил читателям, что «недавно найденные архивные материалы свидетельствуют о существовании уже в 80-х гг. важнейших отраслях тяжелой промышленности целой группы монополистических объединений» назвав при этом обнаруженные мною объединения»⁴.

В.И. Бовыкин и П.В. Волобуев защитили кандидатские диссертации в МГУ в 1953 г. Валерий Иванович – диссертацию, посвященную русско-французским отношениям накануне Первой мировой войны, темой Павла Васильевича были «Монополии и топливный голод в России в 1911 – 1914 гг. (К вопросу о загнивании монополистического капитализма в России)». Хронологические рамки исследований совпадали, речь шла о кануне Первой мировой войны.

Щепетильность Валерия Ивановича в отношении научных приоритетов и защиты интеллектуальной собственности была абсолютной и цивилизованной. Это подтверждают все его научные тексты и воспоминания. Сам он непременно указывал источник полученных им сведений. Об одном из таких случаев передачи ему важных источников ученый рассказал с признательностью в воспоминаниях, что уже само по себе достойно характеризует В.И. Бовыкина как человека и

ученого. Напомню, речь шла о том, как после выступления на кафедре о ленинградских находках, М.Я. Гефтер, тоже один из учеников А.Л. Сидорова, передал ему копию протокола заседания представителей заводов, изготовлявших железнодорожные принадлежности от 13 января 1889 г., на котором решались вопросы распределения заказов и установления цен. Добро Валерий Иванович не забывал.

Интеллектуальная чистоплотность стала системообразующей в историографическом анализе и историографических оценках ученого и определяла их высокое качество. В статье 1988 г. «Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции», опубликованной в журнале «История СССР», (тогда его главным редактором был И.Д. Ковальченко), Валерий Иванович начал с изложения позиций, которые, сегодня это уже очевидно, определяют историографическое качество научного исследования. Прежде всего - доверие читателя. Для Бовыкина – это вещь принципиальная и в его сознании постоянная. Он писал: «...для восстановления утраченного доверия читателей и очищения собственной совести только «покаяния» (*модно в условиях «перестройки» – М.Л.*) недостаточно»⁵. «Мне не помнится, чтобы кто-нибудь призывал писать историю с позиции неправды... Почему же историческая истина оказывается такой неуловимой, переменчивой?»⁶. И отвечает следующим образом: «Историку, чтобы познать изучаемый им предмет, мало одного желания. Ему необходимы такие качества, которые обеспечивают возможность подлинно научного познания: соответствующая идейно-теоретическая подготовка, овладение чисто профессиональными навыками и необходимым методическим инструментарием, усвоением определенных морально-этических норм»⁷. Жизнь Валерия Ивановича в науке показывает, что в этом перечне человеческие качества играют далеко не последнее место. Научные исследования осуществляются «преследующими свои цели людьми». Таким образом, личный фактор в историографии – проблема, безусловно не только поставленная, но и решавшаяся В.И. Бовыкиным всей его жизнью в соответствии с его нравственными приоритетами и самой человеческой природой.

*Диалектика старого и нового*⁸

Как историк-исследователь В.И. Бовыкин за период продолжительностью более 40 лет (1950-е-1990-е гг.) проявил себя ярко и историографически весомо. В каталогах и хранилищах библиотек – его монографии, многочисленные статьи конкретно-исторического историографического и источниковедческого характера, выступления. В интернете информацию об ученом отражают более 200 файлов. Его научные поиски не оставили равнодушными современников. Концепция В.И. Бовыкина являлась влиятельным историографическим фактом, формировавшим в области социально-экономической истории историографическую ситуацию, особенно рельефно в 1980 – 1990-е гг., о чем свидетельствуют как работы самого ученого, его учеников и единомышленников, так и реакция непримиримых оппонентов (представителей «нового направления»).

С необходимости осознания и определения своего места в конкретной научной традиции и самоопределения начинал сам В.И. Бовыкин, этого принципа он придерживался как при историографическом анализе концептуального материала, так и в процессе преподавания. «Разумеется, мои исходные представления об экономическом развитии пореформенной России складывались под влиянием литературы 40-х – начала 50-х гг. Особую роль в этом отношении сыграли II том «Истории народного хозяйства СССР» П.И. Лященко и «Русские коммерческие банки» И.Ф. Гиндина. Эти два выдающихся труда, увидевших свет почти одновременно в 1948 г., ожидала, как известно, разная судьбы», – так описывал Валерий Иванович начальный рубеж и научные истоки своего концептуально-проблемного становления⁹. Своими учителями в анкете для библиографического словаря «Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории» В.И. Бовыкин назвал А.Л. Сидорова, И.Ф. Гиндина и А.В. Арциховского¹⁰.

Видение историком состояния исторической науки, историографического процесса и его исходных оснований представляет несомненный историографический интерес. В.И. Бовыкин был убежден, что в науке мы стоим на плечах предшественников, поэтому знание историографии, в данном случае проблемной, является необходимым ферментом конкретно-исторического исследования (вместе с тем ученый подчеркивал, что сам «шел к проблематике от архивов»). Он дал следующую общую оценку состоянию научной литературы: «Мне довелось приобщиться к исторической науке в начале 1950-х гг., когда изучение отечественной истории «периода империализма», которым я стал заниматься, находилось еще на довольно ранней стадии»¹¹. Вместе с тем давалась

и более детальная картина. «Руководимая А.Л. Сидоровым кафедра истории СССР к середине 50-х гг. стала одним из центров разворачивавшихся тогда исследований по истории индустриального развития России XIX – XX вв, – вспоминал В.И. Бовыкин, – Эти исследования были инициированы экономистами, выступившими в послевоенные годы как с общими трудами по экономической истории страны (П.И. Лященко, П.А. Хромов), так и с монографиями, посвященными истории экономических кризисов в России (А.Ф. Яковлев), государственных финансов (А.П. Погребинский), банков (И.Ф. Гиндин, С.Я. Боровой), размещения промышленности (Р.С. Лившиц), развития ее отдельных отраслей (К.А. Пажитнов, Г.Д. Бакулев, А.Д. Брейтерман, С.М. Лисичкин) и др. Среди историков проблемами индустриального развития России в начале XX в. в то время занимался только А.Л. Сидоров, еще в 20-х гг. опубликовавший первые работы о воздействии мировой войны на народное хозяйство страны. С 50-х гг. к разработке истории российских монополий стали подключаться его ученики- М.Я. Гефтер, П.В. Волобуев, Т.Д. Крупина, К.Н. Тарновский...»¹².

Насколько В.И. Бовыкину было важно определение своего места в науке и своего места в определенной традиции свидетельствует его отношение к А.Л. Сидорову. Авторитет А.Л. Сидорова и его принципы научного познания были для историка непререкаемы. Знание монографии А.Л. Сидорова «Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917)» (М., 1960) для специализирующихся по отечественной истории «периода империализма» Бовыкин считал обязательным¹³. Освоение историографического поля и его структуры, основных направлений, конкретных результатов исследования, свободная ориентировка в них только укрепляли отношение В.И. Бовыкина к учителю.

С позиций сегодняшнего дня особенно поражает целеустремленности учителя. Основным предметом его исследований, начиная с середины 1950-х гг., становится изучение индустриализации: складывания, развития и функционирования организационных форм российского капитализма (в том числе и высших) и их приспособления к окружающей социально-экономической среде. На этом определенном самом себе научно-исследовательском пути ученый многое сделал в изучении истории финансового капитала в России. Важными историографическими вехами стали монографии: «Зарождение финансового капитала в России» (М., 1967); «Формирование финансового капитала в России.

Конец XIX в. – 1908. (М., 1984); «Финансовый капитал России накануне Первой мировой войны». (М., 2001). Последнюю книгу читатель смог прочесть уже спустя три года после смерти автора. Сам же Валерий Иванович мотивацию исследовательского поиска в своей любимой проблемной сфере объяснял увлеченностью: «...история финансового капитала в России – тема, на которую меня навели архивные материалы коммерческих банков и промышленных обществ, постоянно оставалась в центре моего внимания, независимо от того, мог ли я полностью сосредоточиться на ее изучении или занимался этим урывками»¹⁴.

Историографическое противостояние второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг.

Несостоявшаяся дискуссия или историографический скандал 1988 – 1990 гг. разворачивался следующим образом. В 1988 г. в издательстве «Наука» вышло историографическое исследование В.И. Бовыкина «Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции» (ответственный редактор академик И.Д. Ковальченко).

В том же году в журнале «История СССР» (№ 5), главным редактором которого был И.Д. Ковальченко, в рубрике «Дискуссии и обсуждения» публикуется статья В.И. Бовыкина «Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции». Статье было предпослано разъяснение редакции: «В 1986 г. редакция наметила проведение «круглого стола» «О спорных проблемах социально-экономического развития России в конце XIX – начале XX в.» Открыть дискуссию статьями было предложено В.И. Бовыкину и П.В. Волобуеву, отстаивающим различные точки зрения и выразившим желание принять участие в обсуждении этих проблем. Редакция, публикуя поступившую статью В.И. Бовыкина, полагает, что читатели примут участие в обсуждении поднятых в ней вопросов». Статьи П.В. Волобуева в редакцию «Истории СССР» так и не поступило. Трибуной «нового направления» стали журналы «Вопросы истории» и «Наука и жизнь». Статья же Валерия Ивановича носила наступательный, аналитический характер и в ней были показаны не только допущенные оппонентами фактические неточности, но и их концептуальная заданность и относительность научной новизны. Этого В.И. Бовыкину – ревнителю историографической точности, которая для него

являлась синонимом честности – не простили, о чем свидетельствовали последовавшие попытки сделать Валерия Ивановича *bête noire*, одиозной личностью, своеобразным жупелом. Он был удостоен особого внимания оппонентов.

22-23 октября 1988 г. состоялся «круглый стол» историков Октября, материалы которого «Россия 1917 год. Выбор исторического пути» под редакцией члена-корреспондента АН СССР П.В. Волобуева вышли в 1989 г. Центральным был доклад П.В. Волобуева, 30 участников высказали свои соображения о докладе и проблемах, занимавших тогда научное сознание. Озабоченность вызывала «заторможенность» и «явно упавший авторитет»¹⁵ историков-профессионалов, что объяснялось слишком долгим стремлением к единомыслию, их неконкурентоспособность по отношению к «публицистической историографии», переживавшей тогда свой расцвет. В предисловии к материалам этого «круглого стола» ставилась задача «честного переосмысления собственных позиций»¹⁶.

При такой постановке Валерий Иванович, деятельно занятый серьезной научной конкретно-исследовательской работой (в 1950-е – 1980-е гг.), и которому этого не требовалось, не мог не оказаться в принципиальной научной оппозиции. «Чуткое к веяниям времени научное творчество»¹⁷, – Бовыкин не считал научно возможным.

П.В. Волобуев начал свое выступление с формулировки цели встречи: «Цель нашей встречи критически оценить в свете требований периода перестройки состояние исследовательской работы в области истории Великой Октябрьской социалистической революции и помочь Научному совету АН СССР по этой проблеме разработать комплексную программу исследований на ближайшие годы»¹⁸. Ключевое «в свете требований периода» объясняет потребность и необходимость регулярного «переосмысления собственных позиций» с наступлением очередного «периода» и предъявления новых «требований», разумеется, времени.

Поскольку такое переосмысление шло по принципу «из крайности в крайность», для него требовалось историографическое обоснование, выстраивание исторической фаланги таким образом, как казалось историографически нужным «новому направлению». Однако к этому направлению надо было подогнать и концепцию П.В. Волобуева. К 1987 г. такое движение было завершено. Если в 1957 г. П.В. Волобуев делал акцент на зрелости

российского монополистического капитала: «Россия, несмотря на свою экономическую отсталость, достигла наивысшего при капитализме уровня общественного производства», в 1964 г. исследователь видел основу борьбы пролетариата и буржуазии в противоречии между трудом и капиталом, обостренном войной и разрухой, и ставшем «главной двигательной силой новой революции в России» (данные выводы опирались на конкретный исследовательский материал, зафиксированный в монографиях П.В. Волобуева)¹⁹, то к 1987 г. (т.е. выходу монографии «Выбор путей общественного развития: теория, история и современность») он почти вернулся к признанию России полуколонией. Одну из причин такой концептуальной эволюции Волобуева Валерий Иванович видел в том, что с середины 1960-х гг. Павел Васильевич оставил конкретно-исторические исследования и занялся общеисторическими построениями. Рассматривая соотношение концептуального и эмоционального, научного и околонуального, накапливавшегося в процессе историографического противостояния, следует отметить, что каждый и В.И. Бовыкин, и П.В. Волобуев пошли своей дорогой не случайно. Концептуальная предрасположенность к теории экономической отсталости проявляется в работах П.В. Волобуева и в 1953 – 1962 гг. Сама постановка исследовательской задачи, вынесенная в подзаголовок кандидатской диссертации: «Монополии и топливный голод в России в 1911 – 1914 гг. (К вопросу о загнивании монополистического капитализма в России)» (МГУ, 1953) характеризует направление поиска. В той области, которую исследовал Волобуев, кризисные явления вследствие политики монополий, извлекавших громадную ренту при низком росте производительности, были очень сильными даже в условиях предвоенного экономического подъема. И здесь вывод напрашивается сам собой. Однако если бы предметом исследования стала топливно-энергетическая промышленность, то при анализе ее структурных изменений, вызывавшихся именно кризисными явлениями в отрасли и повышением цен на топливо, неизбежно проявились бы и тенденции промышленного развития, в том числе электричества, перехода на производство более сложных типов двигателей – нефтяных и газовых вместо паровых котлов, разработки антрацитов Восточного Донбасса и др.²⁰. Были и деятели содействующие промышленному развитию России, наиболее концентрированно представленные во всероссийском промышленном выставочном движении и многое другое. Т.о. очевидно, что на исследовательскую установку или предрасположенность выделения фактов «загнивания» или «развития» не может

не влиять предмет исследования и его рамки. В любом случае требуется рассмотрение целостной картины социально-экономического организма России. Различия и многообразие сосуществовавших в этом организме разнородных сил и отражавших их интересов и потребностей, ценностей, норм, ориентаций не просто сосуществовали, но взаимодействовали. При этом динамичное развитие или, наоборот, снижение темпов роста, создавали узлы социально-экономического напряжения, сила которого в условиях первой мировой войны возросла кратно, что признавалось П.В. Волобуевым.

В монографии о Временном правительстве 1917 г. банкротство его экономической политики рассматривается Волобуевым как «свидетельство полного исчерпания у русской буржуазии способности руководить современным материальным производством»²¹. Вывод делался в соответствии с методологическими установками своего времени и в плоскости анализа негативных явлений финансового капитала в экономическом и социальном плане представлялась П.В. Волобуеву решенной.

У В.И. Бовыкина был иной подход и объект исследования. Его интересовали организационные формы финансового капитала. В советской историографии их анализа не проводилось, а изучение следствий и оценки предшествовали детальному анализу предмета. Заполнить эту лакуну было совершенно необходимо. И здесь открывалась непаханная целина источникового поля, длинная и трудная дорога в проблемной историографии финансового капитала. В.И. Бовыкину этот путь казался заманчивым. П.В. Волобуев же оценил для себя тему исчерпанной. Таким образом позиции в отношении зрелости социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции неизбежно кристаллизовались.

В истории отечественной историографии, в том числе и дореволюционной, можно найти сходные ситуации непримиримых расхождений. Механизм нарастания конфликта определялся во-первых, личным исследовательским опытом ученого, а во-вторых, его отношением к исторической науке и видением проблемы «наука и политика». При понимании всей относительности исторических и историографических аналогий, все же невольно вспоминаются два момента в истории нашей науки XIX-начала XX вв.

Первый – принципиальные отличия в оценке екатерининского периода в русской истории, дававшиеся А.А. Кизеветтером и А.А. Корниловым. Данные учеными оценки зависели от детальности изучения самого предмета и

хронологической последовательности подхода к анализируемому явлению. Если Кизеветтер приступил к рассмотрению царствования Екатерины II уже после того, как исследовал проблемы развития русского города более раннего времени, то Корнилов, чьи научные штудии были в сфере XIX в., рассматривал царствование Екатерины II с иных позиций. Личный исследовательский опыт неизбежно вел двух ученых к противоположным выводам.

Другая спорная ситуация в науке, которая также невольно приходит на память – это уничижающая критика П.Н. Милюковым главы петербургской исторической школы К.Н. Бестужева-Рюмина, имевшая долгое историографическое дыхание. Историческую справедливость в отношении К.Н. Бестужева-Рюмина современные историографы восстанавливали уже в конце XX в. Решительное неприятие Милюкова и ряда современников вызвала защита Бестужевым-Рюминым идеи самодостаточности исторической науки, в чем он полагал ее главную ценность, несовместимую с политизацией и общественной борьбой.

Конечно, объяснять ослабление позиций, а потом и крушение социализма в нашей стране на рубеже 1980 – 1990-х гг. было удобнее, опираясь на взгляды сторонников низкого уровня капитализма в дореволюционной России. Среди отечественных философов, печатавших свои статьи на страницах журнала «Вопросы философии» в те годы доминировали представления об отсталости России и преждевременности социалистической революции. Это позволяло ученым развести по разные стороны замечательную идею и теорию социализма и их негодное практическое воплощение в нашей стране. «Идеями еще нужно уметь пользоваться. Идеи способны оборачиваться собственной противоположностью в руках тех, кто не готов к их восприятию ни исторически, ни нравственно, ни культурно...Идея социализма не исключение из этого правила», - писал один из философов²².

Между тем историков волновали методологические основания разногласий внутри советской историографии в рамках ленинской концепции, взростившие два непримиримых направления в 1960 – 1980-е гг. в сфере социально-экономической истории капиталистической России, дискутировавшие по вопросу о ее уровне развития. Такую возможность открывало изучение историографического опыта исследования социально-экономической истории и анатомии ленинской теоретической подосновы выводов о возможности победы социалистической революции в России. Ориентируя на социалистическую

революцию, В.И. Ленин был обречен на признание достаточно высокого уровня капитализма в нашей стране и одновременно его выводы не могли быть никакими другими, как политическими. Концептуальная двойственность работ В.И. Ленина заключалась в том, что процесс созревания предпосылок для социалистической революции как бы «наложился», по его мнению, на уже созревшие предпосылки для революции буржуазно-демократической. В этом контексте пережитки феодализма в землевладении и помещичьем хозяйстве рассматривались на фоне сравнительно высокого уровня развития капитализма в промышленности при уже значительном его развитии в земледелии.

Двойственность ленинской концепции со всей очевидностью проявилась в установках, которые давал историкам в 1988 г. П.В. Волобуев: «Мне думается, что если мы хотим верно решить проблему предпосылок революции, то должны исходить из ленинской концепции, а именно: с одной стороны, без известной высоты капитализма у нас ничего бы не вышло; а с другой стороны – не благодаря его высоте и так называемой зрелости материальных предпосылок, а как раз наоборот – благодаря отсталости, которая «двинула нас вперед», мы стали очагом первой в мировой истории социалистической революции»²³.

«Из проблем теоретико-методологических начать, мне думается, все-таки следует с переосмысления или, если угодно, с разработки заново ленинской концепции Октябрьской революции», – П.В. Волобуев заявил именно о разработке, а не осмыслении и понимании ленинской концепции, т.е. системы взглядов, сложившихся в голове В.И. Ленина при его жизни²⁴. Обозначил Волобуев и цель борьбы: «При изучении предпосылок революции нам нужно подняться на новый уровень их исследования и отказаться от укоренившегося стереотипа притягивания и подтягивания России к западноевропейской модели развития и, соответственно, подтягивания уровня капиталистического и экономического развития до уровня высокоразвитых стран Запада. Надо сказать, в последние годы, после разгрома так называемого нового направления исторической науке по этой части просто удержу не было»²⁵. Боевому кличу не удалось скрыть внутренней неуверенности, поэтому перед упоминанием о новом направлении Волобуев оговаривает: *«так называемое»*²⁶.

Причем удар наносится не по специалистам в области финансового капитала, к числу которых принадлежал В.И. Бovyкин, а в свое время и П.В. Волобуев, а по аграрникам. «Так, например, – заявил Волобуев, - если взять разработку такой проблемы, как аграрный капитализм, то остается только диву

даваться. Оказывается, капитализм перестроил на буржуазный лад не только крестьянское, но и помещичье хозяйство и одержал полную победу в аграрном секторе экономики страны. Если бы Столыпин мог знать такую трактовку, он бы счел, что его реформа вполне удалась. А между тем, столыпинская аграрная реформа потерпела поражение, да и вообще планы модернизации России по столыпинскому пути вряд ли могли увенчаться успехом»²⁷. Историкографически понятно, что в данном случае П.В. Волобуев ориентировался на концепцию и работы А.М. Анфимова, не прерывавшего исследований в своей сфере и в этом имевший в этом отношении перед П.В. Волобуевым преимущества – актив фактического материала. Вопрос же о финансовом капитале, как неудобный, был попросту обойден. Но вместе с тем давалась вполне определенная установка: «Мне думается, что концепция «Россия как второй эшелон капитализма, догоняющего и зависимого развития», должна быть взята на вооружение. Она дает возможность понять суть ленинской концепции предпосылок революции, в частности, отсутствие в России к началу революции необходимой и адекватной материальной базы социализма. Но зрелость субъективного фактора, громадная сила революционных классов – позволила нам начать «с другого конца» – с завоевания государственной власти и затем уже на ее основе подтянуть культуру и экономику до современного уровня»²⁸.

Понятна и причина полемического вихря, пронесшегося над историографической книгой В.И. Бовыкина «Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции», опубликованной в 1988 г. До 1991 г. оставалось всего три года. Книга стала историографически итоговой, и как оказалось, она подводила черту изучения социально-экономических проблем истории империализма советскими учеными за период 1960 – 1980-х гг. на завершающем этапе советской истории. Сегодня начало «Введения» звучит трагично: «Социализм и Россия – эти два понятия оказались неразрывно связаны между собой 70 лет тому назад в результате Великой Октябрьской социалистической революции», но оно характеризует позицию автора.

Сосредоточить основное внимание на характеристике литературы последней четверти века В.И. Бовыкину позволила книга К.Н. Тарновского «Советская историография российского империализма» (М., «Наука», 1964), посвященная проблемной историографии 1917 – начала 1960-х гг. В своем исследовании Валерий Иванович нарушал хронологические рамки в том случае, когда ему надо

было проследить традицию, дать новый материал, накопленный со времени выхода труда К.Н. Тарновского, в осмыслении труда предшественников. Не мог Бовыкин обойти вниманием и характеристику ленинской концепции о социально-экономических предпосылках социалистической революции в России, которой посвятил первую главу. Новым в историографической работе В.И. Бовыкина было рассмотрение развития отечественной науки в контексте мировой. Изложение исторических концепций было связано с их фактическим обоснованием.

После выхода в свет «России накануне великих свершений...» Валерию Ивановичу пришлось самому объяснять принципы своего исследования в центральной специализированной исторической печати, поскольку написанная на книгу рецензия, раскрывающая ее содержание не была своевременно опубликована²⁹. «В ней, – писал о своей книге Бовыкин, - предпринята попытка показать, на какой системе конкретно-исторических знаний строятся современные представления об экономике дореволюционной России. В той мере, в какой позволял ее объем, она отражает результаты исследований нескольких поколений историков. Это и установленные ими конкретные факты экономической жизни страны, и массовые количественные данные, характеризующие динамику ее капиталистического развития»³⁰.

Выступив в роли историографа В.И. Бовыкин дал широкую панораму экономической истории России: сельского хозяйства, промышленности, финансового капитала, торговли, а также показал место страны в мировой капиталистической системе, влияние мировой войны на судьбы революционного процесса. Книга небольшая – всего 152 страницы, Очень сдержанно в ней дана историография финансового капитала, видимо, сказалась скромность автора, имеющего в изучении темы перед наукой особые заслуги, но не считавшим возможным в данном случае подробно излагать собственную концепцию, а также авторское уважение к читателю, который при желании мог обратиться к книгам Бовыкина. Все они непременно содержали историографические введения. Вместе с тем, сам процесс осмысления историографического процесса не прерывался в сознании автора и общее видение историографического процесса, анализ его существенных черт был дан в завершающем трилогию о финансовом капитале исследовании Валерия Ивановича «Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны».

Легких публикаций у Бовыкина не было. Данная монография была опубликована только со второй попытки в 2001 г., когда для этого появилась

возможность в издательстве РОССПЭН, благодаря ученику Валерия Ивановича А.К. Сорокину. Этого часа Бовыкин ждал 15 лет. В 1986 г. «беспардонное обращение с авторским текстом» редактора заставило Валерия Ивановича забрать из издательства рукопись книги.

В предисловии к посмертному изданию А.К. Сорокин справедливо заметил, что книга «не увидела свет вовремя, существенно обеднив мировую историографию вопроса», а ее достоинство в том, что она «едва ли не впервые в советской историографии повернула обсуждение темы из области идеологии в сферу науки». Содружество с А.К. Сорокиным качественно изменило проблемную историографическую ситуацию в связи с налаженным в РОССПЭНе изданием серии «Экономическая история. Документы. Исследования. Переводы».

Никогда не испытывавший недостатка в идеях, Валерий Иванович щедро направлял, прежде всего своих учеников, на разработки документальных комплексов, и таким образом на перспективу формировал проблемное поле. Предлагавшаяся тематика реализовала себя историографически в обозримом будущем³¹. Это лишь одно из проявлений воздействия В.И. Бовыкина как ученого и педагога на историографический процесс.

Несмотря на активное использование в процессе преподавания в разных вузах страны публицистически броских терминов («страны первого и второго эшелонов капитализма», «средневековый капитализм», «октябристский капитал», «военно-феодальный и капиталистический империализм», «государственный феодализм», «государственный капитализм царской России», «московская и петербургская группы российской буржуазии» – и все это в рамках «многоукладности экономики» и «революциологии»)³² «новое направление», претендовавшее на мятеж самоопределения запасом прочности конкретно-исторического исследования не располагало.

Подвел ли черту под дискуссией тогда в июне 1990 г. П.В. Волобуев, поставив свой материал в этом номере третьим, после В.И. Бовыкина и Е.И. Дружининой, совершенно очевидно претендуя на эту роль и пытаясь ее реализовать? Что не могло понравиться П.В. Волобуеву? Прежде всего то, что В.И. Бовыкин проанализировал изменения, которые претерпела аргументация П.В. Волобуева...в отстаивании и проведении своей линии, предложив опыт исторического измерения аргументации конкретного автора. Были рассмотрены исторически конкретные промежутки времени, в которые имела место определенная аргументация и которые оставили на нем свой след.

Непростительной в глазах оппонентов В.И. Бовыкина была его наблюдательность, в частности, обращение внимания читателей на декларативные тенденции в историографии. Декларативность имеет своей особенностью не описывать или предметно анализировать историческую реальность, а претендует не непосредственное изменение историографической ситуации и делает это собственно своей целью. В этой связи главное разобраться с обоснованностью или необоснованностью историографических деклараций.

В.И. Бовыкин в совершенстве владел методом универсальной аргументации: использовал прямые эмпирические подтверждения, многообразные способы теоретической аргументации (системной, методологической, дедуктивного обоснования), косвенные эмпирические подтверждения были важны ученому для подтверждения следствий. Обращался он и к контекстуальной аргументации – здравому смыслу и научно-исследовательскому опыту предшественников. К сожалению, в историографических работах у нас не анализируется авторский стиль, который выражает семантический смысл его личности, а тем более не проводится сопоставления стилей оппонентов.

Валерий Иванович никогда не возражал против «интернационализации» исследования российской индустриализации, являясь сам участником ряда международных проектов и поддерживая связи с учеными других стран.

В.И. Бовыкин был открыт к научному общению, обогащая его проблемно и источниковедчески, предлагая концептуальный ракурс, позволяющий увидеть еще не хоженные тропы познания.

Что же стоит за спором об уровне капиталистического развития? Для меня важна сторона, которую представлял Валерий Иванович.

Историческая концепция В.И. Бовыкина, сложившаяся в процессе его многолетней исследовательской практики, позволяла ему считать Россию самодостаточной страной, привлекательной для иностранцев. В этом контексте изучение опыта участия дореволюционной России в системе мировых финансовых связей представляет интерес. Сегодня особенно важен поиск здоровых сил в международном сотрудничестве, выгодном для нашей страны. Вместе с тем, проблематика, которой занимался сам Валерий Иванович, и в которую он привлекал своих учеников, выводит на болевые точки современности. В их числе: отношение к сырьевым ресурсам и национальному производству, соотношение сил в финансово-промышленной элите страны (сырьевиков и производителей, выводы по конкретным финансово-

промышленным группам), монополии и производство, отношение иностранных и отечественных предпринимателей, судьба иностранных компаний в России, ориентированных на грюндерство и др. Показ ученым в двух его уже посмертно изданных монографиях «Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны» и «Французские банки в России. Конец XIX-начало XX в.» тенденции снижения роли иностранного капитала в крупнейших монополиях (смешанных предприятиях) и в целом отраслях, в которых участвовали иностранцы, за счет роста удельного веса отечественного капитала к 1914 г. – хороший урок современным политикам. Старые мастера полагали, что искусство убеждения состоит в соблюдении трех действий – обучения, достижения, движения (*docere, flectere, movere*). В этом направлении Валерий Иванович действовал сам, в этом же направлении стоит приложить усилия и его ученикам.

---

¹ Экономическая история. Ежегодник 1999. М., РОССПЭН, 1999. С. 15 – 62.

² Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия, 1956. № 1.

³ В то время в советской историографии, несмотря на то, что в целом преобладало мнение П.И. Лященко, согласно которому монополии в России «не достигали высших организационных форм – трестов, остановившись в своем развитии на объединениях синдикатского типа», уже проанализированы были процессы вертикального комбинирования в горно-металлургической промышленности Д.И. Шполянским и А.Л. Цукерником. Да и сам Лященко признавал наличие концернов в нефтяной промышленности. Сомнения, основанные на серьезном научном изучении проблемы, подготовили перемены в историографической ситуации, что было отмечено В.И. Бовыкиным. В 1954 г. с критикой Лященко выступил М.Я. Гефтер в статье о борьбе вокруг создания металлургического треста. Всем этим историографическим фактам Валерий Иванович отдавал должное.

⁴ Бовыкин В.И. Из опыта архивных разысканий // Экономическая история. Ежегодник 1999. С. 24.

⁵ История СССР. 1988. № 5. С. 67.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Там же.

⁸ «Наука «соткана» из множества живых диалогических нитей – как со своими современниками, так и со своими предшественниками. Научное знание оказывается напряженным взаимодействием различных актов полагания смысла, его модификации и отрицания «уже ставших» смыслов. Как отмечал М.М. Бахтин, вся суть диалога – в напряженной встрече разных смыслов. Причем смысл, полагаемый в деятельности каждого их равноправных участников коммуникации, размещается на границе с другими смыслами, а взаимопонимание, достигаемое в диалогической коммуникации, есть нахождение на одной и той же исторической плоскости, где каждый предшественник становится современником, равноправным участником диалога». С этим мнением современного философа нельзя не согласиться. См.: Огурцов А.П. Наука: власть и коммуникации (социально-философские аспекты) // Вопросы философии, 1990. № 11.

⁹ Бовыкин В.И. Из опыта архивных разысканий..., С. 43.

---

¹⁰ Чернобаев А.А. Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Библиографический словарь. 2-е изд. Саратов, 2000. С. 60.

¹¹ Бовыкин В.И. Из опыта архивных разысканий..., С. 15.

¹² Там же. С. 41.

¹³ Это издание появилось в моей библиотеке благодаря Валерию Ивановичу в 1974 г., который всегда внимательно следил за научными новинками и букинистическими предложениями, в том числе и на книжных лотках МГУ, и обратил мое внимание (я тогда училась в аспирантуре) на это издание.

¹⁴ Там же. С. 21.

¹⁵ Россия 1917 год. Выбор исторического пути. М.: Наука, 1989. С. 7.

¹⁶ Чего стоит одно признание: «Долгое время считалось, что источником научных интерпретаций истории Октября является западная историография – советология. Увы, мы просмотрели, как на основе неудовлетворенности прежними, сталинскими интерпретациями на нашей собственной почве стали произрастать такие трактовки Октября, которые не принимает даже передовая западная историография» (Россия 1917 год. Выбор исторического пути. С. 8).

¹⁷ История СССР. 1988. № 5. С. 92.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ В монографии «Экономическая политика Временного правительства» (М., 1962), ответственным редактором которой был А.Л. Сидоров, П.В. Волобуев использовал данные, выявленные им в семи центральных архивах Москвы и Ленинграда. Только в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда использовался материал из 26 фондов.

²⁰ Ильин С.В. Промышленное развитие России от конца XIX в. и до начала Сталинского «Великого перелома» (лекция) // Экономический журнал. 2002. № 5. С. 204, 206.

²¹ П.В. Волобуев. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 3.

²² Межуев В.М. Социализм как идея и как реальность // Вопросы философии. 1990. № 11.

²³ Россия 1917 год. Выбор исторического пути. С. 18.

²⁴ Там же. С. 13 – 14.

²⁵ Там же. С. 17 – 18.

²⁶ Историографическая точность В.И. Бовыкина была абсолютно неприемлема для представителей «нового направления». Валерий Иванович не только проанализировал мотивацию и цели намерений «возрождения „нового направления,», но, поставив вопрос: «Являлась ли «проблема многоукладности» России главным объектом дискуссий начала 70-х гг.?', после проведенного историографического выяснения, пришел к отрицательному выводу. (История СССР. 1988. № 5).

²⁷ Там же. С. 18.

²⁸ Там же. С. 21.

²⁹ В редакцию журнала «Вопросы истории» поступили две рецензии: представителя «нового направления» кандидата исторических наук В.В. Поликарпова и рецензия четырех авторов: кандидатов исторических наук Наумовой Г.Р., Лачаевой М.Ю., Литуева В.Н. и доктора исторических наук Тюкавкина В.Г. В контексте того, что рецензия Поликарпова, написанная в форме статьи объемом 17 стр. (Вопросы истории. 1989. № 3), носила откровенно разгромный и оскорбительный характер, и не содержала изложения основных разделов книги, а ее основным методом стало выдергивание цитат, автор имел право надеяться и на критический анализ по существу. Однако рецензия «4-х»

тогда была отвергнута. Она будет опубликована в ближайшее время в журнале «Философия хозяйства» в номере, посвященном В.И. Бовыкину. Тогда же в 1989 г. Валерий Иванович принял историографический бой. Но ему потребовалось еще 15 месяцев, чтобы в «Вопросах истории» (1990. № 6) в разделе «Дискуссии» был напечатан его ответ «Еще раз к вопросу о новом направлении». И все же дискуссии по существу предмета не получилось: слишком очевидной была ангажированность В.В. Поликарпова, она и помешала ему грамотно изложить фактический материал, в чем читатель может убедиться, прочитав соответствующие публикации и обратившись к первоисточникам. Историографическая меткость В.И. Бовыкина вывела историографическую ситуацию из тупика, в который ее пытались загнать «новое направление». Поддержала концепцию В.И. Бовыкина и член-корреспондент АН СССР Е.И. Дружинина. Ее письмо в редакцию журнала «Вопросов истории» с изложением интервью с Н.М. Дружининым от 14 марта 1973 г., изложившим позицию по вопросу о многоукладности и высказавшим отношение к «новому направлению», было опубликовано в том же номере (1990. № 6). О международном интересе к работам В.И. Бовыкина свидетельствует малоизвестная в нашей стране рецензия П. Грегори на монографию Валерия Ивановича 1984 г. «Формирование финансового капитала в России. Конец XIX – 1908 г.», опубликованная на страницах «The Journal of Economic History» (XLVI, June, 1986). Между публикацией в нашей стране статьи В.В. Поликарпова и рецензией П. Грегори в США – три года. Рецензию П. Грегори отличает исследовательская культура, которая на первое место ставила источниковедческую добросовестность. В этом плане В.И. Бовыкин был безукоризнен. Вместе с тем, Грегори был благодарен Бовыкину за то, что Валерий Иванович взял на себя труд дать доскональный разбор литературы, который проводит через лабиринт научных споров среди советских историков-экономистов прошлого и настоящего – Струмилина, Гиндина, Варзара, Мендельсона, Шепелева, Сидорова, Яковлева и др. Заметим, что не приняв в такой роли книги В.И. Бовыкина, в том числе и его историографическое исследование, само «новое направление» ни в 1980-х, ни в 1990-х гг., ни позднее не предложило собственного концептуального разбора историографии. Это и понятно. Историографическое исследование трудоемко и неблагодарно. И автору, выполняющему свой долг перед наукой приходится многим жертвовать. Наиболее яркий пример в отечественной историографии – К.Н. Бестужев-Рюмин, чья историографически написанная «Русская история» находилась на столе у каждого серьезного историка, но у самого автора она поглотила все силы, не оставив ему возможности осуществить мечту – написать исследование Смуты, выполненное уже его учеником С.Ф.Платоновым. У В.И. Бовыкина хратило сил и на историографию, и на конкретно-исторические исследования финансового капитала в России.

³⁰ Вопросы истории. 1990. № 6. С. 172.

³¹ Первым обобщающим сборником научных трудов учеников В.И. Бовыкина, к тому времени в своем большинстве защитивших кандидатские диссертации и дающим представление о тематике исследований стал «Монополистический капитализм в России, выпущенный Институтом Истории СССР в 1989, традиционным тогда для институтских изданий тиражом в 300 экз. Исследовательский импульс, сообщенный Валерием Ивановичем своим ученикам, проявился как в их последующих монографиях, так и потребности «сверить часы» уже после ухода из жизни учителя. По итогам научных чтений, прошедших на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова памяти

профессора Валерия Ивановича Бовыкина 20 января 1999 г.. 22 января 2002 г., Были опубликованы материалы I и II научных чтений в двух выпусках «Россия в XIX-XX веках» (М., РОССПЭН, 1999 и 2002). В 2001 г. в издательстве РОССПЭН вышел сборник «Россия и мир» памяти професора Валерия Ивановича Бовыкина.

³² Такое нагромождение терминов, т.н. амплификация как прием давно известен, в данном случае он применяется для затемнения смысла, т.к. каждый из названных штампов имеет свою историю и историографию, которая едва ли подробно рассматривается в лекционном курсе, в частности читаемом В.Б. Шепелевой, включившей их в программу лекционного курса по Отечественной истории для студентов 3 курса Омского государственного университета в лекцию «Социальная революция. Марксистская концепция и подходы немарксистской революциологии». Тема 3 (6 часов) в данной программе «Социально-экономические предпосылки революционного процесса 1917 года в истолковании «нового направления» в советской проблемной историографии» наполнена следующим содержанием: сущность военно-феодалного империализма, роль иностранного капитала, особый тип российского капитализма, аграрно-капиталистическая эволюция конца XIX- начала XX вв, особый тип революционного процесса в России эпохи капиталистического империализма». Читаешь сегодня содержание программы, размещенной в интернете, и чувствуешь: будто бы время остановилось лет 40-50 назад. Да в качестве рекомендованной литературы предлагается брошюра П.В. Волобуева Монополистический капитализм в России и его особенности. М., «Знание», 1956. Утешает одно: «новое направление» дошло до предельного отрицания, а всякая идея, доведенная до своего предельного развития, как известно, вызывает диалектически иную идею, прямо противоположную.